

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

**Образовательный уровень гражданских служащих
в первой половине XVIII в.**

Сергей Иванович Дегтярев

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, Украина
кандидат исторических наук
E-mail: starsergo@bigmir.net

Аннотация. Исследуется комплекс мероприятий правительства Российской империи в первой половине XVIII в., который имел целью дать определенную профессиональную подготовку чиновникам для их службы в гражданских государственных учреждениях путем создания соответствующих учебных заведений и законодательного регулирования.

Ключевые слова: образование, чиновничество, профессионализация, бюрократия.

УДК
323.37
(477)"17

Актуальным вопросом исторической науки являются становление и развитие бюрократической системы Российской империи. В условиях современности, когда общественная жизнь стала максимально бюрократизирована, важно изучение государственной политики прошлого в сфере строительства управленческого аппарата (от нижнего уровня к высшему), обеспечения качественными кадрами этого аппарата и предоставления самим кадрам соответствующих условий для эффективного функционирования. В этом контексте необходимо исследовать процесс профессионализации чиновнического аппарата империи, который протекал на протяжении фактически всего периода ее существования (XVIII – начало XX вв.) и был тесно связан, в первую очередь, с процессом построения и развития системы образования.

В данной работе рассмотрены попытки правительства Российской империи наладить поставку профессиональных чиновников в гражданские государственные учреждения, которые предпринимались на фоне развития системы образования в первой половине XVIII в. Задачи данного исследования: охарактеризовать государственную политику в сфере образования первой половины XVIII в., направленную на обеспечение административных учреждений образованными кадрами; определить роль духовных учебных заведений в процессе формирования имперского бюрократического аппарата в исследуемый период; очертить роль государственных учреждений в формировании определенных профессиональных навыков своих служащих; осветить особенности образовательной подготовки будущих чиновников в контексте социального расслоения общества, которое происходило в указанный период.

Некоторые данные, необходимые для изучения обозначенного нами вопроса, содержат работы исследователей XIX – начала XX вв., которые посвящены более общим вопросам истории рассматриваемого периода. Так, говоря о периоде правления Петра I, профессор А. Брикнер указывал, что в это время о широкой просветительской деятельности среди

населения речь не шла. Все сводилось лишь к восприятию “известных практически применимых знаний, распространения которых требовал царь, нуждавшийся в обученных офицерах и техниках” [1]. Фактически мысль этого российского историка немецкого происхождения подтвердил и его современник С. Князьков. Он указывал на то, что фактически во времена Петра I школа не ставила перед собой задачи общего образования. Она создавалась как школа, в первую очередь, техническая, т.е. такая, которая давала знания, нужные на тот момент государству. А государство тогда нуждалось в мастерах, корабельных и других инженерах, артиллеристах, офицерах и проч. [2] Планы создания бюрократического аппарата, возможно, только зарождались. Существуют также работы, посвященные истории отдельных учебных заведений или же истории образования в целом. Такие исследования содержат некоторые данные и касательно нашей проблематики. Это труды А. Воронова [3], П. Милюкова [4], Д. Толстого [5], П. Каптерева [6]. К отдельной группе работ относим исследования, посвященные духовным учебным заведениям и их роли в жизни общества XVIII в. В это время качественная система образования еще не была построена и духовные образовательные учреждения оказались поставщиками наиболее качественных кадров на гражданскую государственную службу. Определенную информацию в этом направлении дают работы Д. Вишневого [7], В. Серебренникова [8], П. Левицкого [9] и других исследователей.

Большое внимание вопросу создания системы профессионального образования уделил в своей работе М. Владимирский-Буданов [10]. Он проследил целый ряд процессов, связанных с обучением будущих чиновников Российской империи: отношение государства к образованию в целом, и к профессиональному в частности; постепенное повышение спроса на профессиональных чиновников и понимание высшими сановниками необходимости обучения служащих; попытки наладить специальное образование для гражданских чиновников и т.д.

Как видим, российская историография XIX – начала XX вв. не касалась непосредственно проблемы подготовки профессиональных кадров для государственных учреждений первой половины XVIII в.

Современные российская и украинская историографии также не делают специального предмета исследований из обозначенной проблематики, сосредотачиваясь главным образом на освещении различных аспектов истории образования или отдельных учебных заведений указанного периода. Среди российских исследователей это работы В. Морякова [11], Т. Фруменковой [12] и др. Среди украинских ученых следует назвать труды Л. Посоховой [13, 14], О. Травкиной [15], В. Маслийчука [16], М. Яременко [17]. Отдельно выделяется монография О. Прокопюк, которая первой исследовала епархиальные коллегиальные структуры управления в XVIII в. Параллельно она затронула и состав их канцелярий, уделив внимание и образовательному уровню чиновников этих канцелярий. Последние, конечно, были выпускниками именно духовных учебных заведений [18].

К ценным источникам при изучении обозначенной темы следует отнести нормативные акты исследуемого периода, которые регулировали различные аспекты государственной политики в отрасли образования, определяли условия вступления на гражданскую государственную службу и т.п. Такие документы были опубликованы в первом издании “Полного собрания законов Российской империи” в томах IV–XIII (именно они охватывают хронологически 1700–1753 годы).

В целом же проблема профессионализации бюрократического аппарата Российской империи является недостаточно разработанной и требует более глубокого и всестороннего изучения. Перейдем непосредственно к рассмотрению предложенной темы.

В условиях постоянного реформирования административных учреждений Российской империи и расширения ее границ бюрократический государственный аппарат постоянно увеличивался. Усложнялись служебные функции чиновников и формы отношений между учреждениями разных уровней и ведомств. Все это требовало не только простого увеличения количества гражданских чиновников, но и выдвигало требования к их профессиональным качествам.

Еще во времена Петра I специальной подготовки начинает требовать не только военная служба, но и гражданская. Для прохождения последней все более необходимым было знакомство с политическими, юридическими и экономическими науками. Правительство старалось основать соответствующую профессиональную школу, но столкнулось с проблемой большой популярности среди дворян военной службы и их

негативным отношением к “приказной” (эта проблема будет актуальной в течение всего XVIII и большей части XIX вв.). К тому же дворяне понимали, что попасть на высшие должности гражданской службы можно было путями, которые не имели ничего общего с профессиональной подготовкой (факт дворянского происхождения, протекция и т.п.) [19].

В этот период появляются определенные образовательные потребности в обществе и государстве. Но если общество желало общего элементарного образования, то государству была нужна профессиональная подготовка ограниченного круга людей, которые потом ему бы служили. Такие различия сохраняются еще на длительное время и начнут исчезать лишь со второй половины XIX в.

Государственную политику в отрасли образования в начале XVIII в. М. Владимирский-Буданов охарактеризовал следующими словами: “Правительство начала XVIII века не имеет вовсе в виду общего (человеческого, гуманного) образования. Целью его мер по народному образованию было не образование, а государственная служба” [20]. Уже с первых лет XVIII в. российское законодательство начинает выдвигать идеи о том, что оно не признает никакой другой цели в образовании, кроме его применимости для той или иной профессии. Другими словами, государство заботилось об обучении, но не об образовании, поскольку “ремеслу можно обучать, но не образовывать на нем человека” [21].

Еще в первой четверти XVIII в. законодательно была определена форма обучения будущих чиновников. Это было так называемое низшее юридическое образование, и оно включало такие дисциплины, как арифметика, формы книги (правила делопроизводства – С.Д.), табели, стиль письма и др. Позднее всех чиновничьих детей обязали отдавать на обучение приказному делу.

Самой главной дисциплиной в системе образования будущих чиновников практически всегда была юриспруденция. В разные времена изменялось только содержание этой дисциплины. В первой половине XVIII в. юриспруденция состояла из:

- 1) изучения действующих правовых кодексов (Уложения Алексея Михайловича, регламентов, особенно Генерального, и указов);
- 2) знания так называемых приказных дел, то есть практического изучения делопроизводства [22].

Знание этих предметов определялось практической целью службы в государственных учреждениях, не имея отношения к общему образованию.

Но, несмотря на определенное законодательное обеспечение процесса профессионализации гражданских чиновников, учебные заведения, где специально готовили бы к гражданской службе, так называемые дьяческие школы, по всей империи фактически отсутствовали (возможно, и были исключения в отдельных городах, но они существенно не влияли на общую картину нехватки таких заведений). Как следствие, будущие чиновники были вынуждены обучаться в низших или цифирных школах [23]. Это, конечно, негативно влияло на качество подготовки к службе.

Цифирные школы появляются в начале XVIII в. Они были созданы для детей различных сословий. Но духовенство и купцы отказывались отдавать туда своих детей. Дворянских детей в эти школы принимать было запрещено в 1716 г. Таким образом, основным контингентом цифирных школ стали дети солдат и приказных служителей. Обучившись чтению, письму и счёту, они оканчивали свое образование и занимали разные должности, среди которых были писарьские и канцелярские [24]. Такие должности не были популярными среди дворян, как и приказная служба в целом, поэтому следует отметить, что в зарождении чиновничества (конечно, низших его уровней) Российского государства активное участие принимали представители непривилегированных сословий. Правда, цифирные школы не были явлением массовым: на 1722 г. их насчитывалось всего 42 по всей империи.

В первой половине XVIII в. процесс профессиональной подготовки чиновников протекал не только на уровне образовательных заведений, но и привязывался непосредственно к так называемым присутственным местам, т.е. государственным учреждениям. Низшие служащие, которые претендовали на более высокие должности при коллегиях, фактически имели статус ученика. К примеру, госпитальная прислуга, которая планировала стать врачами, тоже называлась учениками.

Фактически происходило получение профессионального образования через службу. Государственные учреждения Генеральным регламентом и Табелью о рангах были превращены в определенной степени в школы. Такой путь достижения более высокого

профессионального уровня бюрократического аппарата в той или иной мере просуществовал до времен Екатерины II и даже дольше. Этот способ сводился к тому, что все, кто служил в коллегиях и канцеляриях, считались учениками до занятия ими штатных или секретарских должностей. Их образование сводилось в основном к переписыванию дел. Такое образование в определенной степени приравнивалось к высшему юридическому. Генеральным регламентом 1721 г. в коллегии допускались особы, которые желали служить в канцеляриях и конторах, но они не занимали никаких должностей, а проходили тут обучение “прилежным списыванием дел в письме и в арифметике”. Секретари должны были присматривать, чтобы те коллежские юнкера (так называли этих служащих) обучались письму и всем делам, которые относились к компетенции данной коллегии.

В течение почти всего XVIII в., а особенно в первой его половине, особое место в сфере образования в Российской империи занимали разнообразные духовные учебные заведения – академии, коллегии, семинарии (поскольку других практически не было). Можно сказать, что в значительной мере благодаря духовным учебным заведениям на государственную службу в XVIII в. попадали не только представители дворянства, но и выходцы из других сословий, хотя это и происходило вразрез с желаниями государства. Наиболее долго из всех учебных заведений империи всесословный характер смогли сберечь так называемые юго-западные школы. Киевская духовная академия сохраняла для украинских земель значение всесословного университета (несмотря на довольно мощную именно религиозную подготовку учеников) [25, 26]. То же самое можно сказать и о Черниговской и Переяславской семинариях, Харьковском коллегииуме и т.д. [27]

Например, в числе разночинцев, которые отправили в Переяславскую семинарию своих детей в первый год ее существования (1738), было 45 человек, среди которых упоминаются такие звания, как есаулы, сотники, старосты, два компанейских полковника, компанейские казаки, но больше всех – мещан и посполитых (украинские казачьи и административные звания, кроме мещан) [28]. В 1730-х гг. Черниговский коллегииум обучал детей духовенства и светского звания. При этом количество последних значительно преобладало (см. табл. 1). Обучение в этом коллегииуме велось на трех языках – славянском, польском и латинском.

Таблица 1

Количество учеников Черниговского коллегииума с разделением их по социальным группам [29]

	1738/39	1739/40	1740/41	1741/42	1742/43	1743/44
Духовенство	67	90	85	85	89	105
Бунчуковые казаки и старшина	12	23	30	27	25	38
Значковые казаки	27	22	19	17	11	12
Рядовые казаки	24	12	26	15	26	37
Мещане	37	32	40	23	28	19
Посполитые	11	12	14	15	12	27
Выходцы из Польши (не духовного звания)	24	22	40	29	22	29
Всего	202	213	254	202	213	267

По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, новая система образования, основанная в XVIII в., была системой профессиональной. Ее возникновение ученый связывал с происхождением и развитием сословий. При этом он выделял четыре признака, которые определяют понятие сословия: корпоративность, профессия, наследственность и признание государством. По его словам, сословная организация, достигнув господствующего положения в том или ином обществе, как правило, сама укрепляет те элементы, на которых

она создавалась: так организовываются именно сословные общественные школы, а не просто специальные (профессиональные); доступ к ним открывается лишь для представителей определенных сословий. Чем больше тот или иной род службы требовал специальных знаний, школьной подготовки, тем более сообщество людей, которое исполняло эту службу, было ближе к сословной организации [30].

В исследуемый период в российском законодательстве преобладали два принципа, которые не просто поддерживали сословность общества, но и делали это с помощью образования. Первый – каждый должен учиться тому, что составляет профессию его отца. Второй – из первого принципа вытекает, что никто другой не может быть допущен к этой профессии. Касательно первого принципа, то здесь государство делало незначительные уступки. Они касались, как правило, выходцев из духовенства. В 1737 г. вышел указ, согласно которому детям священнослужителей было разрешено выбирать род службы при условии, что они откупились от военной службы или поставили вместо себя рекрута. В таком случае им предоставлялось право записаться в подьячие и обучиться арифметике и геометрии (науки, обязательные для гражданской службы), поступить в число духовенства (в этом случае следовало научиться грамматике и риторике) или же записаться в купечество [31, 32].

В другом указе, от 25 сентября 1737 г., говорилось о том, что особы, окончившие полный курс духовного образования, могут выбирать для себя род занятий. Те, кто не желал иметь духовный чин, должны были командироваться к губернаторам и воеводам для определения в гражданскую службу, где смогут попрактиковаться и выслужить чины [33, 34].

Черты сословия чиновничество стало приобретать около первой четверти XVIII в. Чтобы не искать постоянно новые кадры для гражданской службы, государство все больше склонялось к идее наследственности приказной профессии. Уже в указе 1721 г. говорилось о том, чтобы организовать школу для обучения подьячих и куда приказные могли бы отдавать своих детей, а также о праве обучаться тех, кто сам желал стать гражданским служащим [35]. Как видим, здесь профессия подьячих уже признается их обязанностью, но не исключительно их правом.

Дети приказных еще больше привязываются к занятию их отцов указом 1744 г. Согласно ему, дети отставных служителей гражданских учреждений, если они способны к службе (по возрасту и умениям), назначались в губернские и воеводские канцелярии. Малолетние оставались при родителях, но информация о них отсылалась в упоминаемые канцелярии для того, чтобы контролировать, когда они достигнут необходимого возраста и их можно будет принять в гражданскую службу [36].

До 1755 г. вырел своеобразный кризис в чиновническом аппарате. Из многих губерний поступали жалобы о недостатке в канцеляриях приказных служителей по причине забираяния их в солдаты. Причина такой ситуации была в следующем. В 1732 г. было разрешено в канцелярскую службу принимать детей низших военных чинов (по несколько человек в каждую канцелярию), поскольку имела место катастрофическая нехватка гражданских служащих. До 1755 г. они должны были возвратиться к своим естественным занятиям, то есть к военной службе. А с 1755 г. их и начали забирать в солдаты. Чтобы избежать этого, Сенат согласился вернуть этих людей в канцелярии, но не распространил это правило на их детей, хотя и последних можно было оставлять в гражданской службе, если в канцеляриях сохранится недостаток в чиновниках.

Другим мероприятием со стороны государства в это время стало распоряжение, чтобы детей секретарей и других низших чиновников не дворянского происхождения не определять ни в какую службу, кроме приказной [37].

Таким образом, двумя указанными мероприятиями в середине 1750-х гг. государство:

- 1) запрещает детям приказных выход в другие сословия;
- 2) представителям других сословий запрещает вступление в сословие приказных.

Фактически происходит оформление государственной бюрократии как отдельной социальной группы. Можно даже прийти к выводу о том, что уже в середине XVIII в. сообщество людей, которое занималось государственной службой, получило все характерные признаки сословия. Причем произошло это под влиянием нормативных актов о специальном образовании гражданских чиновников (имеются в виду упомянутые выше дьяческие школы).

На украинских землях, которые входили в состав Российской империи в исследуемый период, уже были некоторые учреждения, которые функционировали согласно российскому

законодательству, и чиновники здесь должны были отвечать тем требованиям, которые перед ними выдвигались. Но еще активно действовали на этих землях и традиционные украинские учреждения, созданные в середине XVII в. Они исполняли смешанные военно-гражданские функции. Но на должности в такие учреждения принимались особы, которые имели образование, и социальное происхождение при этом играло далеко не главную роль (основной массой служащих были представители казачества, но сама эта социальная группа была довольно открытой для других сословий). Служба была не обязательно наследственной. Существовали свои региональные особенности функционирования гражданских учреждений и принятия в них служащих и в других так называемых национальных окраинах империи.

Признавая службу целью образования частных лиц, государство должно было вызвать определенный личный стимул, указать на особую пользу образования для граждан. Сделать это не трудно именно при сословном характере образования. Каждый должен был учиться для себя, чтобы не попасть в низшую профессию, т.е. в низшее сословие.

Опираясь на приведенный выше материал, следует сделать следующие выводы. В первой четверти XVIII в. в Российской империи произошли значительные преобразования: административные реформы, благодаря которым изменилась структура всего управленческого аппарата; войны, вследствие которых территория империи расширилась. Эти изменения поставили перед имперским правительством важное задание – создать такой управленческий аппарат, который позволил бы эффективно руководить всеми сферами жизни в государстве. Реализация этого задания была возможной только при условии обеспечения всех государственных учреждений надлежащим образом подготовленными (в профессиональном смысле) чиновниками. В течение первой половины XVIII в. предпринимались попытки создать систему учебных заведений, которые бы готовили кадры для государственной службы. Но эти мероприятия были малоэффективными, поскольку государственный аппарат разрастался быстрее, чем обеспечивался необходимыми кадрами; на гражданскую службу попадало большое число представителей непривилегированных слоев общества (государство же было больше настроено допускать к управленческим функциям дворянство); получение образования еще не успело завоевать популярность среди будущих чиновников (особенно дворянского происхождения) и т.п. Частично решение проблемы нехватки кадров в государственных учреждениях взяли на себя духовные учебные заведения, выпускники которых при нежелании занимать духовные должности часто поступали на гражданскую государственную службу. Поднятию профессионального уровня служащих способствовали также и сами государственные учреждения, где те служили. Тут они получали практические навыки, знакомясь с делами и переписывая их (метод примитивный, но на то время довольно эффективный), и лишь после этого могли занимать штатные должности. К одной из ключевых проблем следует отнести попытки имперского правительства ограничить доступ к гражданской службе представителей из непривилегированных слоев общества. Но ее удалось решить только на высших уровнях чиновничьей иерархии. Низшие должности уже в начале XVIII в. были в руках так называемых приказнослужителей (часто даже уже не в первом поколении), которые не были дворянами, но владели многими тонкостями работы в государственных учреждениях. А из людей, которые имели образование, большая часть была выходцами из духовенства, казачества или других, не дворянских сословий. Государство не могло обойтись без услуг этих людей. Кроме того, как мы отмечали выше, популярность гражданской службы и образования в дворянской среде (особенно провинциального уровня) была низкой. Все это привело к тому, что основная масса служащих в имперских учреждениях состояла из представителей непривилегированных социальных групп.

В предложенной работе мы не претендуем на полное решение очерченных задач. Каждую из них можно определить как отдельное направление для последующих исследований. Изучение предложенной темы должно существенно способствовать дальнейшей разработке проблемы связи образования и гражданской службы в Российской империи в последующие периоды, особенно с конца XVIII до середины XIX вв., поскольку в это время в государстве происходили системные сдвиги в направлении обеспечения государственных учреждений кадрами с более высоким (благодаря образованию) профессиональным уровнем. А толчком к этим сдвигам, по нашему мнению, следует считать изменения, которые начали происходить в административном управлении первой

половины XVIII в. Решение вопросов, связанных с образовательным уровнем гражданских чиновников указанного периода, безусловно, повлияет на более полное изучение истории российского имперского бюрократического аппарата в целом.

Примечания:

1. Брикнер А.Г. Иллюстрированная история Петра Великого в 2 т. Т. 2. СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1903. С. 247.
2. Князьков С. Очерки истории Петра Великого и его времени. СПб.: Издание книжного магазина П.В. Луковникова, 1914. С. 490-491.
3. Воронов А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб.: В Типографии Якова Трея, 1849. 293 с.
4. Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа (вера, творчество, образование). 4-е изд. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. 402+VIII с.
5. Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1883. 100 с.
6. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб.: Издание О. Богдановой, б/г. 540 с.
7. Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII столетия. (Новые данные, относящиеся к истории этой Академии за указанное время). К.: Типография И.И. Горбунова, 1903. 371 с.
8. Серебренников В. Киевская академия с половины XVIII века до преобразования ее в 1819 году. К.: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1897. 223 с.
9. Левицкий П. Прошлое Переяславского духовного училища (бывшей переяславской семинарии) // Киевская старина. 1889. Т. 24. № 2. С. 424-444.
10. Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII века. Часть I. Системы профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль: Типография Г.В. Фальк, 1874. 330 с.
11. Моряков В.И. В.Н.Татищев о воспитании и образовании молодых дворян // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2004. № 4. С. 58-67.
12. Фруменкова Т.Г. Цифирные и архиерейские школы первой трети XVIII века // Вопросы истории. № 7. 2003. С. 136-143.
13. Посохова Л. Європейський досвід у навчальних практиках православних колегіумів України у XVIII ст.: джерелознавчий аспект // Наукові записки. Збірник праць молодих науковців та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. Т. 19 (у 2-х кн.). Тематичний випуск: "Джерела локальної історії: методи, дослідження, проблеми інтерпретації, популяризація". Книга 1. К., 2009. С. 323-340.
14. Посохова Л.Ю. Православні колегіуми України XVII–XVIII ст. у контексті трансформації європейської університетської традиції // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. Історія. Х., 2009. Вип. 4.
15. Травкіна О.І. Чернігівський колегіум XVIII ст. Автореф. дис. ... канд. істор. наук. Львів, 2003. 20 с.
16. Маслійчук В. Грамотність та рівень освіти на Лівобережній Україні XVII-XVIII ст.: творення історіографічного стереотипу // Київська академія. Вип. 7. К., 2009. С. 73-86.
17. Яременко М. Антропонімія вихованців Києво-Могилянської академії XVIII ст. (про інформативні можливості студентських реєстрів) // Наукові записки. Збірник праць молодих науковців та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. Т. 19 (у 2-х кн.). Тематичний випуск: "Джерела локальної історії: методи, дослідження, проблеми інтерпретації, популяризація". Книга 1. К., 2009. С. 308-322.
18. Прокоп'юк О.Б. Духовна консисторія в системі єпархіального управління (1721-1786 рр.). К.: Фенікс, 2008. 296 с.
19. Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа (вера, творчество, образование). 4-е изд. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. С. 305.
20. Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII века. Часть I. Системы профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль: Типография Г.В. Фальк, 1874. С. 143.

21. Там же. С. 155.
22. Там же. С. 180.
23. Там же. С. 174.
24. Князьков С. Очерки истории Петра Великого и его времени. СПб.: Издание книжного магазина П.В. Луковникова, 1914. С. 487.
25. Вишневецкий Д. Киевская академия в первой половине XVIII столетия. (Новые данные, относящиеся к истории этой Академии за указанное время). К.: Типография И.И. Горбунова, 1903. 371 с.
26. Серебренников В. Киевская академия с половины XVIII века до преобразования ее в 1819 году. К.: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1897. 223 с.
27. Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань: Типография Императорского Университета, 1881. 807 с.
28. П-ко Вл. Из истории образования на Украине // Киевская старина. 1905. Т. 90. № 9. Отд. 1. С. 237.
29. Там же. С. 245-246.
30. Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII века. Часть I. Системы профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль: Типография Г.В. Фальк, 1874. С. 88-90, 93, 122.
31. Там же. С. 103-104.
32. Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1883. С. 41-42.
33. Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII века. Часть I. Системы профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль: Типография Г.В. Фальк, 1874. С. 107.
34. Серебренников В. Киевская академия с половины XVIII века до преобразования ее в 1819 году. К.: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1897. С. 299-301.
35. О учреждении школы для обучения подьячих арифметике и письмоводству // ПСЗ 1. Т. VI. № 3845. С. 451-452.
36. Об определении детей приказнослужительских, за негодностию к статской службе, в военную // ПСЗ-1. Т. XII. № 8975. С. 156-157.
37. Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII века. Часть I. Системы профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль: Типография Г.В. Фальк, 1874. С. 119-120.

Civil Officers' Educational Level in the First Half of XVIII Century

Sergey I. Dyagtyarev

National Pedagogical Dragomanov University, Ukraine

PhD (History)

E-mail: starsergo@bigmir.net

Abstract. The article examines the set of actions, taken by the government of the Russian Empire in the first half of the XVIII century, aimed at civil officers' vocational training for their work in civil offices by means of establishment of the relevant educational institutions and legislative control.

Keywords: education, officialdom, professionalization, bureaucracy.

УДК 323.37
(477)"17